

© 2019 Е.Ю. ВАСИЛЕВСКАЯ

ВОЗМОЖНЫЕ «Я»: АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ

Василевская Екатерина Юрьевна — аспирантка
департамента психологии факультета
социальных наук.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 101000 Москва,
ул. Мясницкая, д. 20.

Электронная почта: ek.vasilevskaya@gmail.com

Аннотация. Описывается исследование феномена «что было бы, если бы я...», который был операционализирован как возможные «Я», представленные в виде альтернативных историй (нарративов) о нереализованных вариантах жизни, то есть о том, что не сбылось. Исследуемый феномен соотнесен с разрабатываемыми в отечественной психологии понятиями «индивидуальная мифология» и «квазирефлексия». Для его изучения использовался метод полуструктурированного исследовательского интервью с элементами эпизодического нарративного интервью. В опросе приняли участие 20 респондентов (10 мужчин и 10 женщин) разных специальностей; средний возраст участников исследования составил 23 года. На основе анализа полученных данных были выявлены четыре типа альтернативных историй жизни: альтернативные истории, незначительно отличающиеся от реальных историй (истории о жизни, которая складывается либо похожим в сравнении с реальностью образом, либо несколько иным, но со временем оказалась бы такой же, что и в действительности); альтернативные истории, которые оказались пессимистичнее реальных историй (истории людей, которые живут «не своей» жизнью, имеют меньше возможностей для развития, «застревают» в определенных паттернах отношений и поведения, больше скучают, не получают от жизни удовольствия); альтернативные истории,

которые оказались оптимистичнее реальных историй (истории людей, которые нашли себя, осуществили свои мечты, жили так, как им нравятся, достигли больших успехов, изменились личностно); неоднозначные альтернативные истории (истории, в которых позитивный финал подвергается сомнению). Приводится содержание указанных историй, а также характеризуются отношения респондентов к нереализованным вариантам жизни. Рассматривается специфика альтернативных историй у людей с разным уровнем полноценного функционирования. Делается вывод о том, что оптимистичные альтернативные истории характерны для людей с низким уровнем полноценного функционирования, в то время как пессимистичные альтернативные истории преобладают у людей, уровень полноценного функционирования которых высок.

Ключевые слова: возможные «Я», нарратив, альтернативная история.

Ссылка для цитирования: Василевская Е.Ю. Возможные «Я»: анализ нарративов // Человек. 2019. Т. 30, № 2. С. 42–56.

DOI: 10.31857/S023620070003031-1

Е.Ю. Василевская
Возможные «Я»: анализ
нарративов

В последние годы в научном сообществе, в том числе в психологической среде, возник интерес к категории «возможное», которая долгое время оставалась на периферии научного познания [11; 19]. Исследования, посвященные конструкту «возможные “Я”», активно включаются в массив данных, собираемых в области изучения указанной категории.

Возможные «Я» — это представления человека о том, каким он хотел бы стать, мог бы стать или боится стать в будущем [23]. Возможные «Я» рассматриваются как структурные элементы «Я»-концепции (наряду с реальными и идеальными «Я»), которые представляют собой когнитивные репрезентации целей и планов человека. Согласно одной из метафор, возможные «Я» есть своеобразные мосты, соединяющие настоящее и будущее; они отражают направление изменения и развития личности [24]. Возможные «Я» обладают мотивационным потенциалом, «запускающая» поведение человека к достижению желаемых им образов себя в будущем или избеганию образов нежелательных [там же].

В соответствии с одним из современных подходов к анализу возможных «Я», представления человека о себе в будущем имеют нарративную природу, то есть являются целостными историями, герой которых совершает определенные действия, изменяющие окружающую действительность или его самого [20; 25]. Несмотря на недостаточную разработанность этого подхода, в работах отмечается его перспективность [см., напр.: 20].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование возможных «Я» как некоторых альтернативных, *гипотетических* историй жизни. В данном контексте последние понимаются нами как непроживаемые в реальности, но присутствующие в созна-

«Альтернативная история жизни» — понятие новое в отечественной психологии, хотя имеют место родственные ему концепты: «индивидуальная мифология» и ее содержание («легенды/мифы о себе») Е.Е. Сапоговой [15; 16], «квазирефлексия» Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [7]. Индивидуальная мифология понимается Е.Е. Сапоговой как совокупность разнопорядковых текстов субъекта о себе, составляющих единую картину его представлений о себе и своей жизни [15]. В мифах о себе, которые являются частью фантазийных «Я» [16], причудливо соединяются реальное и фантазийное, действительное и вымышленное, проживаемое и воображаемое, идеальное. Примером мифа о себе может быть искажение фактов личной биографии или повествование историй о себе, не соответствующих действительности. Потребность строить подобные мифы наиболее сильно выражена у психически здоровых, реализовавших себя в профессиональном плане, эрудированных и рефлексивных взрослых людей, которые имеют психологические проблемы, связанные с неудовлетворенностью жизнью в целом [15].

«Квазирефлексия — это рефлексия, направленная на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации, уход в посторонние размышления — о прошлом, будущем, о том, что было бы, если бы...» [7, с. 114]. Д.А. Леонтьев и Е.Н. Осин,

в противоположность Е.Е. Сапоговой, говорят о квазирефлексии скорее как о дурном типе рефлексии, который «уводит в резонерские спекуляции и беспочвенные фантазии» [там же, с. 115]. Из функций квазирефлексии исследователи выделяют психологическую защиту как уход от травмирующей ситуации, которая не может быть разрешена в реальности. При этом, на наш взгляд, упускаются такие положительные функции квазирефлексии, как самотерапия, самопознание, углубление самопонимания. По результатам эмпирических исследований квазирефлексии Леонтьев и Осин делают вывод о том, что этот феномен менее выражен у взрослых — в частности, менее характерен для успешных предпринимателей, что не совпадает с данными, полученными Сапоговой, согласно которым построение легенд о себе свойственно профессионально успешным, но несчастным в личностном плане людям. Скорее концепт «квазирефлексия» может быть соотнесен с понятием «понарошечное (тщетное) время», характеризующимся суетой и скукой. Данное понятие А.А. Остапенко противопоставляет термину «настоящее (подлинное) время», наполненному реальными целями и смыслами [10].

Понятия «индивидуальная мифология» и «квазирефлексия» оказываются шире исследуемого нами феномена, поскольку включают не только нереализованные варианты жизни, но и все фантазии, мечты, мысли человека о себе, в том числе те, которые никогда не были для него реальными целями или альтернативами.

Неоднозначно соотношение индивидуальной мифологии (легенд/мифов о себе), квазирефлексии и биографической рефлексии [1; 3], которая направлена «на осмысление и самоанализ индивидуальной жизни субъекта» [3, с. 80], то есть на размышления о событиях биографии. Дело в том, что легенды/мифы о себе могут становиться важной частью автобиографии даже несмотря на то, что события, в них описывающиеся, не имели места в реальности либо имели, но в искаженном виде [14].

Альтернативная история жизни — это нарратив, в котором происходит рефлексия о несбывшемся, но возможном, он является частью автобиографического нарратива, представляющего собой операционализацию рефлексии жизненного пути [2; 13; 14; 17]. Индивидуальная история человека, как отмечает Е.Е. Сапогова, «есть совокупность не только того, что было, но и того, что могло бы быть» [17, с. 63].

Согласно немногочисленным исследованиям в области изучения альтернативных историй, частые размышления о несбывшемся связаны, с одной стороны, с более низким уровнем субъективного благополучия [21; 22], а с другой — с более высоким уровнем развития Эго. Несмотря на имеющиеся данные, структура и психологическое содержание альтернативных историй остаются в исследованиях вне поля зрения.

Е.Ю. Василевская
Возможные «Я»: анализ
нарративов

Кроме того, мы задались вопросом: имеет ли полноценно функционирующий человек — своеобразный идеал личности в теории личности К. Роджерса [12] — возможные «Я» как альтернативные истории и, в случае наличия таковых, в чем заключается их специфика в отличие от людей с низким уровнем полноценного функционирования? Полноценно функционирующий человек, по мнению Роджерса, характеризуется открытостью опыту, стремлением жить настоящим, доверием организму, эмпирической свободой и креативностью [там же]. Исходя из описания полноценно функционирующего человека как субъекта, который предпочитает по максимуму присутствовать в ситуации «здесь и сейчас», не погружается в размышления о прошлом и фантазии о будущем, попробуем разобраться, как подобный человек обходится со своими нереализованными вариантами жизни и какие альтернативные истории в связи с ними рассказывает.

Поскольку в исследовании рассматриваются возможные «Я» как нарративы, то и методы выбраны сообразно традиции исследований в области нарративов, предполагающей проведение интервью с респондентами и качественный анализ индивидуальных случаев.

46

не состоят в браке. Респонденты разнятся по профессиональному составу (психологи, экономисты, менеджеры, инженеры, врачи, юристы, геологи, агрономы, лингвисты).

Процедура формирования выборки. Все респонденты приняли участие в исследовании на добровольной безвозмездной основе, откликнувшись на объявление о проведении исследования в сети Интернет.

Методический инструментарий. Для исследования возможных «Я» как альтернативных историй жизни использовался метод исследовательского полуструктурированного интервью с элементами эпизодического нарративного интервью. Были разработаны схема проведения интервью и схема анализа полученных данных, предварительно прошедшие пилотаж.

Наряду с интервью респонденты заполняли анкету с социально-демографическими характеристиками (пол, возраст, образование, специальность, семейное положение, постоянное место работы). Введение анкеты было обусловлено необходимостью более подробного описания выборки, на основании которой изучается феномен. Кроме того, респонденты заполняли авторскую шкалу оценки уровня полноценного функционирования, которая была разработана и апробирована специально для исследования, а также методику «Оценка потребности в одобрении» Д. Крауна и Д. Марлоу (в адаптации Ю.Л. Ханина), поскольку в ходе разработки авторской шкалы ряд утверждений последней эксперты (профессиональные психологи со стажем работы от пяти лет) оценили как социально желательные.

Схема проведения исследования. Исследование проводилось в индивидуальном формате с каждым респондентом. Оно включало: интервью с респондентом (средняя продолжительность — 1 час 15 минут), которое записывалось на диктофон; заполнение респондентом анкеты, авторской шкалы и методики; разъяснения интервьюера о цели исследования и его ответы на вопросы респондента. Порядок проведения интервью был следующим: исследователь вначале спрашивал респондента о жизненных выборах, содержащих ряд альтернатив, которые имели место в его жизни, затем — о том выборе, который респондент сделал в конкретной ситуации выбора, далее предлагал респонденту изложить альтернативную историю о том, что было бы, если бы тот сделал иной выбор, и в заключение задавал дополнительные вопросы о невыбранной возможности.

Е.Ю. Василевская
Возможные «Я»:
анализ
нарративов

Результаты и их обсуждение

После предварительного полного транскрибирования записей интервью нарративные и ненарративные фрагменты текста анализировались по отдельности. Методы анализа интервью — narra-

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

тивный анализ и контент-анализ. Один из фрагментов интервью рассматривался группой экспертов, которые, оценивая нарративы, пришли к аналогичным результатам, что и исследователь, поэтому дальнейший анализ последний осуществлял самостоятельно.

Возможные «Я» как альтернативные истории жизни были разделены на четыре группы в зависимости от соотношения с реальной историей по содержанию и тону повествования. Опишем альтернативные истории каждого типа.

Альтернативные истории, незначительно отличающиеся от реальных историй жизни. В группе оказалось больше респондентов мужского пола (четыре из шести). Все альтернативные истории респондентов имеют нейтральный или оптимистичный тон повествования. Респонденты рассказывают о жизни, которая складывалась бы либо похожим в сравнении с реальностью образом, либо несколько другим, но со временем оказалась бы такой же, что и в действительности. Они представляют себя в альтернативной истории примерно такими же, каковы есть на самом деле, а в процессе ее изложения подчас сталкиваются со своим реальным жизненным опытом. Например, респондент Б, рассказывая альтернативную историю, сообщает: «Вряд ли бы моя жизнь как-то сильно отличалась», — а респондент Д подмечает: «В глобальном смысле, если бы я сейчас на четвертом курсе учился на той кафедре [которую не выбрал], мне кажется, ничего бы не изменилось».

Примечательно, что через все нарративы проходит тема стабильности. При этом все ситуации выбора связаны с учебой и работой. Похоже, для респондентов данной группы изменения, касающиеся учебы или работы, не столь значимы и затрагивают лишь часть их жизни, не влияя на другие сферы. Два респондента об этом говорят прямо; для них альтернативная история похожа на реальную, потому что в ней также присутствуют главные увлечения жизни: в случае респондента А — музыка и спорт, в случае респондента Ж — музыка.

В рассматриваемой группе в основном оказались респонденты, которые принимали самостоятельные обдуманные решения в ситуации выбора. К невыбранной возможности большинство из них относились спокойно. Для респондентов либо подобная ситуация полностью завершена, либо они наверстывают невыбранную возможность, либо уверены, что могут ее наверстать в будущем. Судя по всему, респонденты данной группы принимают свою реальную жизнь (она устраивает их) и не представляют, что та могла бы сложиться иначе.

Альтернативные истории, которые оказались пессимистичнее реальных историй. Группу составили шесть респондентов, большинство из них — девушки. Все нарративы респондентов отличается пессимистичный тон повествования. Это истории людей, которые живут «не своей» жизнью, имеют меньше возможностей для развития, «застревают» в определенных паттернах отношений и поведе-

ния, они больше скучают, не получают удовольствия от жизни. Так, респондентка *З* замечает: «Я не смогла бы жить дальше, не попробовав то, о чем я мечтала [стать врачом], меня бы это сильно мучило...», — а респондентка *И* говорит: «Я бы разбиралась в вещах, которые мне нужно делать по работе, но душой бы в ней не находилась, и, возможно, сожалела в чем-то, что вот... не очень интересные для меня вещи, но я в них вроде разобралась...»

В альтернативной истории респонденты представляют свои возможные «Я» в негативных тонах. Альтернативная история для респондентов данной группы — это повествование о чужой жизни, а значит, у них есть понимание того, что такое «своя» жизнь. По-видимому, респонденты определились с тем, что для них в жизни важно, и стремятся это воплотить в реальность, поэтому фантазии об альтернативных историях вызывают у них негативные переживания.

Если говорить о том, как принималось реальное решение, то в пяти ситуациях это был выбор действия, нового, мечты, взросления, преодоления, выбор настоящего себя, своей жизни и лишь в одной — выбор «недействия» и одновременно ценного (отказ от стажировки в другой стране в пользу отношений с девушкой). Во всех ситуациях выбор «обещал» респондентам нечто хорошее, позитивное и в большинстве из них был самостоятельным и обдуманым. Невыбранную возможность респонденты оценивали скорее как нежелательную.

Альтернативные истории, которые оказались оптимистичнее реальных историй. В группу попали три девушки и трое молодых людей. Тон повествования всех нарративов оптимистичен. Это истории людей, которые нашли себя, осуществили свои мечты, жили так, как им нравится, достигли больших успехов, изменились личностно. Нарративы отличаются некоторой идеалистичностью. Они наполнены переживаниями радости, гордости за свои успехи, увлеченностью. К примеру, респондентка *В* так завершает свое повествование: «Я бы просто плакала от счастья и говорила спасибо самой себе за то, что мне в конечном итоге удалось сделать правильный выбор, и теперь я там, где должна быть». Судя по всему, для респондентов рассматриваемой группы альтернативная история — это возможность погрузиться в тот мир, который их полностью устраивает, но который весьма далек от реальности. Возможно, эти респонденты сожалеют о том, что их мечта контрастирует с реальной жизнью.

Как респондентами принималось решение в ситуации выбора — сказать однозначно сложно. В одних ситуациях это не самостоятельный выбор (выбор под влиянием других людей), в иных — выбор самостоятельный, но необдуманный, в третьих ситуациях — самостоятельный и обдуманный, но не полностью устраивающий респондента. Большинство респондентов сожалеют о невыбранной возможности.

Как показывает *табл. 1*, при высоком уровне полноценного функционирования альтернативная история респондентов либо не отличается от реальной истории, либо пессимистичнее нее. В первом случае альтернативная история преимущественно связана с темами стабильности, успеха или достижений и в то же

Таблица 1. Характеристики альтернативных историй при высоком уровне полноценного функционирования

Соотношение реальной и альтернативной историй	Сфера нарратива	Основные темы нарратива	Тон повествования	Финал истории	Преобладающие переживания в альтернативной истории
Реальная = альтернативная	Учеба	Стабильность Успех или достижения	Нейтральный Оптимистичный	Нейтральный	Интерес Сомнения
Реальная > альтернативная	Отношения учеба	Стагнация или регресс Эмоциональный дискомфорт	Пессимистичный	Негативный	Печаль Одиночество Угрызения совести Скука

время мало насыщена переживаниями. Во втором случае она воспринимается как стагнация или регресс, эмоциональный дискомфорт и наполнена негативными переживаниями (печаль, одиночество, угрызения совести); один из респондентов даже отметил наличие суицидальных мыслей.

Надо полагать, респонденты рассматриваемой группы принимают себя и свою реальную жизнь, им сложно помыслить альтернативную жизнь лучше. Это хорошо отражено, например, в таких словах респондентки Ж: «Что было, то было... не зря все было... я стала нормальным человеком, довольно сознательной личностью, я себя устраиваю». Респонденты с высоким уровнем полноценного функционирования в альтернативной истории в основном относятся к себе либо нейтрально, либо отрицательно. К другим людям в альтернативной истории они относятся преимущественно так же, как и к себе, то есть нейтрально или отрицательно. К примеру, респондент У так описывает свое отношение к людям: «Меня бы угнетало это состояние... всеобщего глубокого сна, люди безынициативные, люди какие-то немотивированные».

Респонденты с высоким уровнем полноценного функционирования в альтернативной истории больше концентрируются на описании прошлого и лишь частично затрагивают настоящее — им сложно представить себя в настоящем. Так, респондентка Ж завершает повествование альтернативной истории на моменте окончания школы: «Если бы я была среди тех, кто хочет стать экономистом, хотела ли бы я стать психологом? Не знаю, сложно сказать», — в то время как на момент интервью она уже учится на третьем курсе университета. Очевидно, что респондентам данной группы свойственно принятие себя, своего прошлого и настоящего и они либо не видят путей изменения своей жизни, либо считают, что лучше она не могла бы стать.

Таблица 2. Характеристики альтернативных историй при низком уровне полноценного функционирования

Соотношение реальной и альтернативной историй	Сфера нарратива	Основные темы нарратива	Тон повествования	Финал истории	Преобладающие переживания в альтернативной истории
Реальная < альтернативная	Отношения Учеба	Осуществление мечты Разрешение проблем	Оптимистичный	Позитивный	Интерес Гордость Радость Уверенность в себе
Реальная = альтернативная	Учеба	Стабильность Поддержка	— " —	Нейтральный	—
Реальная ? альтернативная	Отношения	Сомнения Счастливая семейная жизнь	— " —	Открытый	Усталость Сомнения Интерес Радость

Из табл. 2 видно, что при низком уровне полноценного функционирования альтернативная история респондентов либо складывается лучше реальной (трое информантов), либо не отличается от реальной (один информант), либо оказывается неоднозначной (один информант). В первом случае альтернативная история связана с идеальным сценарием жизни. Респонденты скорее не принимают свою реальную жизнь, недовольны ею. В альтернативной истории они в большей степени склонны идеализировать себя и других людей. Вот как рассказывает свою историю респондентка В: «Меня бы окружали... просто... не могу сказать, что гениальные, но умнейшие люди, люди, чьи книги я читаю».

Во втором случае альтернативная история связана с темами стабильности, поддержки и не наполнена переживаниями. Возможно, респонденту трудно было выражать свои чувства, переломный момент в его реальной жизни (в интервью упоминалось об окончании университета и поиске работы) сказался на низком балле по шкале полноценного функционирования. В последнем случае альтернативная история преимущественно связана с сомнениями в возможности счастливой семейной жизни; сомнения присутствуют и в части реальной жизни респондента (тот сомневается, правильно ли поступил, расставшись с девушкой).

В целом респонденты данной группы распространяют альтернативную историю и на прошлое, и на настоящее, совершают в нарративе больше действий, без труда представляют свою жизнь другой. Они оценивают свой выбор как более сложный, видят в нем большее влияние других людей, как бы частично перекладывая вину на них за совершенный неверный выбор [9]. В связи с идеализацией альтернативной жизни происходит идеа-

лизация невыбранной возможности. Последняя представляется респондентам очень ценной, те сожалеют о ней, однако большинство считает, что она потеряна для них навсегда.

* * *

В проведенном исследовании было выявлено, что нереализованные в прошлом возможности способны «порождать» истории об альтернативных вариантах жизни, специфика которых тесно связана с отношением человека к своей реальной жизни, к сделанному им выбору. В случае, когда реальная жизнь человека устраивает, его представление об альтернативной жизни будет либо нейтральным, либо негативным. Размышления об альтернативных сценариях жизни придают человеку уверенность в том, что его реальная жизнь складывается так, как хотелось бы, и лучше уже быть не может. И напротив, если человек не удовлетворен своей реальной жизнью, в альтернативной истории он скорее будет представлять идеальные сценарии и варианты жизни. Альтернативная история в последнем случае — это пространство, где человек может осмыслить свои мечты, желания, устремления, сравнить их с реальностью.

В работе проанализированы альтернативные истории, связанные с нереализованными возможностями, которые были реальными альтернативами в ситуации выбора в прошлом. Однако существуют нереализованные возможности, которые в прошлом не воспринимались человеком как альтернативы, но в настоящий момент вызывают у него сожаление и способны «порождать» альтернативные истории (например, детские мечты стать балериной или футболистом). В качестве перспективы исследования следует отметить изучение такого типа нереализованных возможностей. Как отдельное направление исследования можно назвать изучение связи альтернативных историй с личностными особенностями, в том числе с личностным потенциалом, а также с особенностями автобиографической памяти (например, с такой ее характеристикой, как стиль автобиографического рассказа) [8].

Литература

1. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 14–23.
2. Клементьева М.В. Исследование рефлексии жизненного пути на материале создания автобиографического нарратива // Культурно-историческая психология. 2012. № 3. С. 30–39.
3. Клементьева М.В. Понятие биографической рефлексии и методика ее оценки // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 4. С. 80–93.
4. Кроссли М.Л. Нарративная психология: Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013.

Е.Ю. Василевская
Возможные «Я»:
анализ
нарративов

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

5. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.

6. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психологическая диагностика. 2007. № 6. С. 4–25.

7. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.

8. Нуркова В.В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–26.

9. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000.

10. Остапенко А.А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного» // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 2–6.

11. Петровский В.А. Субъектность как состоятельность (на английском языке) // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 3. С. 86–130.

12. Роджерс К. Взгляд на психотерапию: Становление человека. М.: Прогресс, 1994.

13. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37–51.

14. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.

15. Сапогова Е.Е. Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности // Изв. ТулГУ. Сер. Психология. 2003. № 3. С. 195–214.

16. Сапогова Е.Е. «Легенды о себе»: к проблеме интерпретации личностных мифологем взрослых в психологическом консультировании // Психологическая служба (Минск). 2003. № 2. С. 88–102.

17. Сапогова Е.Е. Событие в структуре биографического текста // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 60–64.

18. Фам А.Х., Леонтьев Д.А. Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости (ч. 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 2013. № 1. С. 84–96.

19. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетея, 2001.

20. Erikson M.G. The Meaning of the Future: toward a more Specific Definition of Possible Selves // Rev. of General Psychology. 2007. Vol. 11, N 4. P. 348–358. DOI:10.1037/1089-2680.11.4.348

21. King L.A., Rospin C. Lost and Found Possible selves, Subjective Well-Being, and Ego Development in Divorced Women // J. of Personality. 2004. Vol. 72, N 3. P. 603–632. DOI:10.1111/j.0022-3506.2004.00274.x

22. King L.A., Smith N.G. Gay and Straight Possible Selves: Goals, Identity, Subjective Well-Being, and Personality Development // J. of Personality. 2004. Vol. 72, N 5. P. 967–994. DOI:10.1111/j.0022-3506.2004.00287.x

23. Markus H., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1986. Vol. 41, N 9. P. 954–969. DOI:10.1037/0003-066X.41.9.954

24. Oyserman D., Bybee D., Terry K., Hart-Jonson T. Possible Selves as Roadmaps // J. of Research in Personality. 2004. N 38. P. 130–149. DOI: 10.1016/S0092-6566(03)00057-6.

25. Whitty M. Possible Selves: Exploring the Utility of a Narrative Approach // Identity: An International J. of Theory and Research. 2002. N 2(3). P. 213–230. DOI:10.1207/S1532706XID0203_02

Possible Selves: Analysis of narratives

Ekaterina Y. Vasilevskaya

PhD student of the Faculty of Social Sciences, Department of Psychology.
National Research University Higher School of Economics.
20 Myasnitckaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.
E-mail: ek.vasilevskaya@gmail.com

Abstract. The article deals with a phenomenon «what might have been» that was operationalized as possible Selves presented in alternative stories (narratives) about a person's unrealized versions of life and choices that had not been done. The semi-structured interview method with elements of narrative interview was applied. 20 respondents (10 men and 10 women) of different professions participated in the study, mean age was 23. The analysis of the data helped to assess four types of alternative narratives of life: alternative narratives that did not differ from the real narratives; alternative narratives that were more pessimistic than real narratives; alternative narratives that were more optimistic than real narratives; vague alternative narratives. The content of the alternative narratives is discussed in the article, and the attitude of people to their unrealized versions of life is provided. The content of alternative narratives of people with different levels of fully functioning is also examined. It is concluded that optimistic alternative narratives are associated with low levels of fully functioning, whereas pessimistic alternative narratives are prevalent in people with high levels of fully functioning.

Keywords: possible, selves, narrative, alternative narrative.

For citation: Vasilevskaya E.Yu. Possible Selves: Analysis of narratives //

Chelovek. 2019. Vol. 30, N 2. P. 42–56.

DOI: 10.31857/S023620070003031-1

References

1. Klement'eva M.V. Biograficheskaya refleksiya kak resurs samorazvitiya vzroslykh lyudei [Biographical Self-Reflection as a Resource for Personal Development in Adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2016. Vol. 12, N 1. P. 14–23.
2. Klement'eva M.V. Issledovanie refleksii zhiznennogo puti na materiale sozdaniya avtobiograficheskogo narrativa [Reflecting on Life through Autobiographical Narrative: Exploring the Perspectives]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2012. N 3. P. 30–39.
3. Klement'eva M.V. Ponyatie biograficheskoi refleksii i metodika ee otsenki [On the Concept of Biographical Self-Reflection and Its Assessment]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 2014. Vol. 10, N 4. P. 80–93.
4. Krossli M.L. *Narrativnaya psikhologiya: Samost', psikhologicheskaya travma i konstruirovaniye smysla* [Introducing narrative psychology. Self, trauma and the construction of meaning]. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentr Publ., 2013.
5. Leont'ev D.A., Mandrikova E.Yu., Rasskazova E.I., Fam A.Kh. Lichnostnyi potentsial v situatsii neopredelennosti i vybora [Personality potential in the situation of uncertainty and choice]. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika*, ed. by D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl Publ., 2011. P. 511–546.
6. Leont'ev D.A., Mandrikova E.Yu., Fam A.Kh. Razrabotka metodiki diagnostiki protsessual'noi storony vybora [Development of the instrument of assessment of processual part of choice]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2007. N 6. P. 4–25.
7. Leont'ev D.A., Osin E.N. Refleksiya «khoroshaya» i «durnaya»: ot ob'yasnitel'noi modeli k differentsial'noi diagnostike [«Good» and «Bad» Reflection: From

Е.Ю. Василевская

Возможные «Я»:
анализ
нарративов

- 56